

КАКИМ МЫ ПОМНИМ В. Л. КОМАРОВА**Т. П. Самойлов***(Горно-таежная станция им. В. Л. Комарова)*

Вся моя и моей семьи жизнь тесно связана с В. Л. Комаровым. Это ему, его повседневному вниманию мы обязаны тем положением, которое занимаем в настоящее время. И поэтому я не могу без волнения и горячей признательности вспоминать о Владимире Леонтьевиче и спутнице его жизни Надежде Викторовне Комаровой.

Впервые о В. Л. Комарове мне пришлось услышать в 1923 г., когда я работал лаборантом под руководством его ближайшей ученицы Е. Н. Клобуковой-Алисовой в Южно-Уссурийском отделении Русского Географического общества в г. Никольске-Уссурийском (ныне Уссурийск). Евгения Николаевна очень много рассказывала о Владимире Леонтьевиче, который преподавал ботанику на Высших женских курсах в г. Ленинграде.

Под руководством Е. Н. Клобуковой-Алисовой я проводил фенологические наблюдения над растениями, собирал гербарий и живые растения, монтировал ботанические коллекции.

В 1926 г., возвращаясь с III Тихоокеанского конгресса, проходившего в г. Токио, Владимир Леонтьевич сделал крат-

современную остановку в г. Никольске-Уссурийском, где в Межсоюзном рабочем клубе сделал интереснейший доклад перед трудящимися города о результатах работы Тихоокеанского конгресса и своей поездке на обратном пути по Корее и Маньчжурии. Тогда мне посчастливилось лично познакомиться, а затем и сопровождать Владимира Леонтьевича в его экскурсиях на ближайшие к городу сопки. Во время этих поездок (выезжали вдвоем на дрожжах) и сбора гербарных образцов растений меня поразило, с каким увлечением В. Л. Комаров говорил о широких перспективах юга Дальнего Востока, его уникальности, природных богатствах, необходимости быстрее их освоения.

Владимир Леонтьевич уже тогда считал, что мы должны быть готовы к приему значительного притока населения в этот край. Стоит задача, как лучше освоить земли, чтобы не уничтожить растительные богатства, а рационально их использовать, создать пахотные угодья и сохранить плодородие почв.

Совместные поездки и личное общение с Владимиром Леонтьевичем явились переломным этапом в дальнейшей моей жизни и деятельности. В 1928 г., по рекомендации В. Л. Комарова, советом Южно-Уссурийского отделения Русского Географического общества, я был прикомандирован, как стипендиат общества, к Ленинградскому государственному университету. Владимир Леонтьевич принимал самое горячее участие в моем зачислении в университет, а затем пристально следил за моими студенческими успехами и даже жизнью. В связи с этим не могу не отметить внимания Владимира Леонтьевича к нуждам и возникающим затруднениям у студентов, занимавшихся на его кафедре.

В 1929 г. моя стипендия была задержана на продолжительный срок, я оказался в тяжелом положении и вынужден был занимать деньги на питание у своих товарищей. Об этом каким-то образом стало известно Владимиру Леонтьевичу. Однажды, когда я вечером вернулся из университета домой (я жил на частной квартире), меня встретила хозяйка и с таинственным видом сказала, что в мое отсутствие приходили два очень милых человека, оставили на моем столе какие-то пакеты и записку. Действительно, войдя в комнату, я увидел стол, весь занятый пакетами (сахар, масло, колбаса, крупы, макароны и т. д.), а сверху записку за подписью

В. Л. Комарова: «Прошу в субботу, то-есть на следующий день, пожаловать к нам в 17 часов, по адресу, ул. Песочная, д. № 2. В. Комаров». Я был крайне растроган приходом В. Л. Комарова и его жены Надежды Викторовны ко мне на квартиру.

Отказаться от приглашения Владимира Леонтьевича я не мог. Пришлось пойти, и сразу же, как только я вошел, Владимир Леонтьевич сделал мне форменный разнос за то, что не поставил его в известность о своем бедственном положении. В заключение предъявил ультиматум: «Отныне будьте добры ежедневно к 17 часам приходите к нам обедать». Лишь с большим трудом удалось убедить Владимира Леонтьевича освободить меня от выполнения подобного обязательства, так как это лишает меня возможности посещать вечерние занятия в университете и участвовать в общественных мероприятиях. Перед моим уходом Владимир Леонтьевич пригласил меня в свой кабинет, вручил 25 рублей на расходы до получения стипендии и потребовал впредь без напоминаний ставить его в известность о возможных новых затруднениях. В дальнейшем я узнал, что подобные случаи имели место и с другими моими товарищами, попадавшими в тяжелое положение, и всегда В. Л. Комаров оказывал им необходимую помощь.

В 1930 г., по рекомендации В. Л. Комарова, я был отправлен для прохождения практики в г. Никольск-Уссурийский. Передо мной поставили задачу—принять участие в экспедиции, организуемой Южно-Уссурийским отделением Русского Географического общества. Нужно было обследовать правые притоки р. Суйфуна, бывшие в то время «белым пятном» в отношении флоры и энтомофауны. Мне выпала честь быть начальником данной экспедиции, в которой приняли участие Т. В. Самойлова, А. Г. Хахина и рабочий П. Расторгуев.

За два с половиной месяца маршрутными обследованиями охватили территорию от р. Шуфан до р. Грязной и собрали свыше 10 тысяч гербарных образцов растений, более 650 видов, переданных в гербарий Ботанического института АН СССР.

В связи с приездом на Дальний Восток В. Л. Комарова, я был отозван в его распоряжение. В этот приезд Владимира Леонтьевича мы совершили ряд поездок в верховья р. Супу-

тинки, по его маршрутам 1913 г., а также в урочище «Кривой ключ», где Географическим обществом был организован экспериментальный участок. На прилегающих к долине ключа склонах сопок садоводом А. А. Рамингом были заложены сады из крупноплодных и полукультурных яблонь, груш, слив, ягодников, имелась и опытная пасека. Знакомство с опытным участком укрепило идею Владимира Леонтьевича о необходимости создания специального научного учреждения для изучения и разработки методов комплексного сельскохозяйственного освоения горно-лесных районов Приморского края.

Высказывая свои мысли, В. Л. Комаров вновь подчеркнул, что необходимо не только ставить задачу освоить лесные массивы под возделывание сельскохозяйственных культур. Надо прежде всего изучить весь природный комплекс предназначенной под освоение территории, не допускать целесообразного сведения леса, полнее использовать ценные виды растений для нужд народного хозяйства и заботиться о сохранении плодородия почв в дальнейшем.

При посещении В. Л. Комаровым верхнего течения р. Сутуинки сохранившиеся там нетронутые человеком лесные массивы очень его обрадовали и навели на мысль о сохранении этого уголка в «первозданном виде» для будущих поколений.

В следующий свой приезд, в 1931 г. В. Л. Комаров занимался преимущественно организационными делами. Окончательно решался вопрос об организации Дальневосточной Горно-таежной станции Академии Наук СССР и Дальневосточного филиала Академии Наук СССР.

За Горно-таежной станцией была закреплена территория в верховьях р. Сутуинки площадью в 17 тысяч гектаров, которая была объявлена заповедной, и экспериментальный участок Кривой ключ, площадью в 1200 гектаров для экспериментальных работ. В десятидневный срок оборудование, коллекции, инвентарь, животные и другое имущество, перешедшее к станции от бывшего Южно-Уссурийского отделения Русского Географического общества было вывезено из г. Никольска-Уссурийского в с. Кондратенково (ныне Баневурово) —временную базу станции. Там всего 5 домов были предоставлены колхозом им. III Интернационала для служебных

помещений. Сотрудников же вселяли в дома колхозников в порядке уплотнения.

Руководство Супутинским заповедником, а также строительством на его западной границе служебных и жилых помещений Горно-таежной станции взял на себя директор станции А. З. Федоров. Руководство научной и хозяйственной деятельностью в с. Кондратенково и на Кривом ключе было возложено на меня.

В первый же год директор станции развил бурную деятельность, сосредоточив свое внимание на строительстве. Наличие 40—50 рабочих, занятых на строительстве, и достаточное количество делового леса создали надежду на переезд к концу года на постоянное местожительство большой группы сотрудников. Однако этого не случилось.

Ко дню приезда В. Л. Комарова, в июле 1932 г., директор решил построить в заповеднике павильон в китайском стиле из различных древесных пород (ясеня, бархата, ореха, сирени, ильма, кедра, липы и других, всего из 25 пород), но достраивался он уже во время пребывания Владимира Леонтьевича в заповеднике. Только последнюю ночь академик с женой переночевали в нем. До этого же они и сопровождающие их сотрудники жили в палатках на берегу р. Супутинки, близ строящегося павильона.

Конечно, имеющиеся трудности и неустроенность сотрудников, а также условия их труда не мог не видеть Владимир Леонтьевич. В период его пребывания в заповеднике произошел один весьма острый инцидент. Начальник охраны тов. Покорни спустился в 20 м от нашего лагеря к р. Супутинке напиться воды и положил возле себя карабин. Через 10 минут он подошел к нам бледный и рассказал дрожащим голосом, что его заставили поднять руки вверх, не оборачиваться в течение 10 минут и взяли карабин. Создалась паника, а Владимир Леонтьевич совершенно спокойно сказал: «Им нужно было оружие, а не мы. Продолжайте спокойно работать».

В заповеднике В. Л. Комаров провел научно-техническое совещание с сотрудниками станции. На нем очень остро обсуждался вопрос о ходе строительства, направлении дальнейших исследований и другие вопросы. В частности, Владимир Леонтьевич с резким осуждением отметил, что бессмысленно ценную древесину переводить на изготовление брусь-

ков, из которых затем собирать дома, когда проще, экономичнее и быстрее строить рубленые дома. При наличии такого количества рабочих, которые заняты на строительстве, уже можно было бы отстроить целый поселок, а сейчас люди продолжают жить в неустроенных времянках. Без особого восторга он отозвался и о строящемся в честь его приезда павильоне, указав при этом, что лучше бы за эти деньги выстроить дом для научной лаборатории.

Обсуждая предстоящие задачи научных исследований, В. Л. Комаров обратил внимание сотрудников на необходимость направить свои усилия на решение двух основных проблем: изучение флоры и фауны в целях их хозяйственного использования и разработку методов комплексного сельскохозяйственного освоения горно-леонных районов.

Второй год деятельности станции оказался особенно тяжелым для всего коллектива. Был уволен с работы директор А. З. Федоров. Вся тяжесть управления разбросанными четырьмя точками станции легла на меня. Началось выселение сотрудников из домов колхоза. Положение с питанием стало еще хуже. Рабочие строительства, задолженность по зарплате которым достигала до 6 месяцев, потребовали расчета. Пришлось обратиться за помощью к руководящим работникам Никольска-Уссурийского, области, края и в Академию Наук СССР, к В. Л. Комарову. Уже на десятый день, после возникшего инцидента с выселением, отобранные дома были возвращены. В короткий срок были отпущены средства, позволившие не только ликвидировать образовавшуюся задолженность по зарплате, но и нормально продолжать дальнейшую работу. Наладилось снабжение продуктами питания и материалами, было налажено руководство научными исследованиями со стороны Ботанического отдела Дальневосточного филиала Академии Наук СССР. Особенно большую помощь оказал В. Л. Комаров, принявший меры к созданию нормальной обстановки для работы сотрудников станции.

В 1933 году В. Л. Комаров, приехав в Приморский край, детально ознакомился с состоянием дел и результатами проведенных исследований на ГТС и высказался за прекращение дальнейшего строительства в заповеднике. По его мнению, создание большого поселка в конечном итоге приведет к нарушениям режима заповедности. Он предложил усилить внимание строительству на опытном участке на Кривом

ключе, как возможной базе станции, где должны получить дальнейшее развитие исследования по изучению методов хозяйственного освоения горных склонов под сельское хозяйство.

В 1934 г. В. Л. Комаров с женой вновь посетили Горно-таежную станцию в с. Кондратенково и на Кривом ключе. Их сопровождали руководящие работники ДВ филиала. На совместном заседании был решен вопрос об окончательном перебазировании станции на Кривой ключ, утверждено издание самостоятельного печатного органа «Труды Горно-таежной станции».

В. Л. Комаров с удовольствием отметил ценность проводимых станцией работ как по изучению флоры и фауны окружающей территории, так и по первым опытам культуры различных полезных растений на горных склонах.

Осенью 1934 г. мне и Т. В. Самойловой представилась возможность выехать в научную командировку и отпуск в г. Ленинград. Узнав о нашем приезде, Владимир Леонтьевич сразу же поселил нас в своем доме, где мы жили на всем готовом в течении 6 месяцев. Наши попытки перейти в Дом ученых наталкивались на резкое с его стороны сопротивление. Точно так же было встречено наше желание чем-то отблагодарить Владимира Леонтьевича и Надежду Викторовну за их гостеприимство.

Владимир Леонтьевич предоставил в наше распоряжение свою личную библиотеку; предлагал даже отобрать из нее нужные книги. По его заданию, были предоставлены широкие возможности работы Т. В. Самойловой в гербарии, прикрепление ее к ученым гербария. Он заботился о предоставлении нам и обязательно с Надеждой Викторовной выездов в театр оперы и балета, покупал заранее билеты по своему вкусу. Затем интересовался, как нам понравилась та или иная опера или балет.

Во время нашей жизни у В. Л. Комарова мы убедились в огромной его работоспособности. Он ежедневно далеко за полночь просиживал в рабочем кабинете, печатая на машинке свои работы или просматривая гербарий. Со всей полнотой нам стала ясна и его любовь к простым людям. Мы явились свидетелями того, когда ежемесячно 20 числа Надежда Викторовна готовила конверты с деньгами, которые затем

няня передавала бывшим служителям гербария, сторожам и другим лицам.

И мы не избежали этого. В день нашего отъезда Владимир Леонтьевич пригласил меня в кабинет и после ряда наставлений вдруг спросил: «Наверное поиздержались во время командировки? На дорогу деньги есть?» Я ответил положительно и, несмотря на это, он вытащил из письменного стола тысячу рублей, передал их мне и сказал: «Купите необходимое для своих детей, а потом вернете». Как я ни отказывался, все же пришлось их взять, так как Владимир Леонтьевич заявил, что своим отказом я наношу ему глубокую обиду.

В 1935 году В. Л. Комаров опять посетил Горно-таежную станцию с группой руководящих сотрудников Дальневосточного филиала Академии Наук СССР. В этот приезд он утвердил должность ученого секретаря станции и своим распоряжением его обязанности возложил на меня.

В 1936 г. состоялось последнее посещение В. Л. Комаровым Приморского края и Горно-таежной станции. К приезду Владимира Леонтьевича, хотя и с опозданием, вышел из печати первый том Трудов станции, посвященный В. Л. Комарову, в связи с 40-летием его научно-исследовательской деятельности на Дальнем Востоке (1895—1935 гг.). В этом томе подведены первые итоги деятельности Горно-таежной станции и освещены главным образом природные условия заповедника и его окрестностей, а также некоторые вопросы, касающиеся непосредственного использования растительных ресурсов тайги.

Прием Владимира Леонтьевича состоялся на Кривом ключе, куда уже были перевезены все лаборатории и научные сотрудники; база в с. Кондратенково перестала существовать. В этот кратковременный приезд В. Л. Комаров ориентировал нас концентрировать исследования на разработке проблемы освоения горных склонов. Он отметил необходимость привлечения новых специалистов, не только биологов, физиологов, биохимиков, лесоводов, но и лиц с агрономическим образованием, что ускорит решение поставленной задачи.

В этом же году я и жена с дочерью вновь выехали в командировку в Москву, а затем в Ленинград. В. Л. Комаров уже был избран Президентом Академии Наук СССР и жил

в Москве. В Москве мы остановились в Доме ученых (на Кропоткинской улице). На второй день своего приезда я нанес визит Владимиру Леонтьевичу в Президиуме Академии Наук СССР. Он очень тепло меня встретил, подробно расспрашивал о делах на станции, о том, где я устроился, о плане наших работ во время командировки и отпуска и т. д. Я поблагодарил его за внимание, и с этим мы расстались. Однако уже на следующий день по возвращении в Дом ученых получил от дежурной ключ от другой комнаты, которая оказалась просторнее и светлее. На наш недоуменный вопрос, почему сделано перемещение, получили ответ: «Так надо!» Через короткое время, по распоряжению Владимира Леонтьевича, нас переселили на квартиру В. Л. Комарова, на Пятницкой улице, где мы прожили гостями Владимира Леонтьевича более двух недель. Он с гордостью ознакомил нас со своим зимним садом при доме, где было много разных растений и особенно из семейства орхидных. Обсуждая наши текущие дела, В. Л. Комаров как-то высказал мысль и о том, что хорошо бы на базе Горно-таежной станции и Супутинского заповедника создать Институт флоры и фауны Дальнего Востока. Впрочем, о таком институте неоднократно высказывалась ранее и Евгения Николаевна Клобукова-Алисова.

В день нашего прощания и отъезда из Москвы В. Л. Комаров передал мне письмо с просьбой сразу же, по приезде в г. Ленинград, передать его начальнику административно-хозяйственного отдела Ленинградского отделения Академии Наук СССР. Это было выполнено. На следующий же день наша дочь оказалась устроенной в детский сад при Академии Наук СССР. В этом проявилась очередная забота Владимира Леонтьевича о том, чтобы мы могли спокойно заниматься в научных учреждениях.

В 1938 г. по рекомендации Уссурийского облисполкома и обкома КПСС, В. Л. Комаров подписал распоряжение о назначении директором Горно-таежной станции Н. И. Жиликова, имеющего агрономическое образование. С его приходом на станцию исследования по изучению методов хозяйственного освоения горных склонов стали более целенаправленными. На участки станции был привлечен разнообразный ассортимент сельскохозяйственных растений и испытывались в культуре ценные виды местных дикорастущих растений. Про-

водились более широкие и углубленные исследования плодово-ягодных культур и винограда.

В 1939 г., по инициативе В. Л. Комарова и под его председательством, результаты деятельности Горно-таежной станции слушались на Президиуме Академии Наук СССР. С докладом о научно-организационной деятельности станции было поручено выступить директору Н. И. Жилиякову, с докладом о результатах и перспективах научных исследований — мне.

По согласованию с Владимиром Леонтьевичем в день заседания Президиума была организована выставка работ станции. На ней демонстрировались плакаты, диаграммы, фотомонтажи, печатные труды, цветные рисунки дальневосточных ценных растений, прекрасно исполненные художницей Е. А. Левченко, а также натуральные экспонаты выращиваемых плодов, ягод, топинамбура, земляного ореха, а также варенья, соки, вина из дикорастущих и культивируемых плодов и ягод. Натуральные экспонаты были выставлены на столах перед членами Президиума, что позволило им в ходе докладов и обсуждений провести их дегустацию.

Зачитанные доклады были прослушаны членами Президиума с большим интересом, вызвали оживленный обмен мнениями и под горячие аплодисменты работы станции получили полное одобрение, многие ее сотрудники были премированы. Президиум в своем решении указал на необходимость дальнейшего укрепления станции и поставил задачу расширить научные и опытные работы в свете возросших требований развития народного хозяйства Дальнего Востока.

Лично Владимир Леонтьевич остался очень доволен общенными результатами и данной членами Президиума оценкой деятельности станции. Лицо его светилось доброй улыбкой, глаза юношески блестели. Он горячо поздравил нас с достигнутыми успехами, доставленной ему радостью и пожелал новых больших творческих успехов. Нам же подобная оценка и оказанный прием были вдвойне приятны, так как заседание Президиума Академии Наук СССР оказывается было специально приурочено ко дню 70-летия со дня рождения В. Л. Комарова. К юбилею Горно-таежная станция подготовила специально посвященный В. Л. Комарову IV том трудов станции, вышедший, к сожалению, только в 1941 г. В ознаменование 70-летия В. Л. Комарова Президи-

ум Верховного Совета СССР наградила его орденом Ленина, а Указом от 27 апреля 1940 г. его имя было присвоено Ленинградскому Ботаническому институту Академии наук СССР.

В конце 1939 г. В. Л. Комарову был нанесен большой удар. Его детище—Дальневосточный филиал, был закрыт. В. Л. Комаров принял все зависящие от него меры к сохранению Горно-таежной станции. Он укрепил ее кадрами закрытого филиала, оборудованием и материалами. В начале 1940 г. Академия Наук СССР отпустила средства на капитальное строительство хозяйственным способом лабораторного здания. К сожалению, без ведома В. Л. Комарова, в середине года отпущенные на строительство деньги были сняты. При поддержке коллектива к концу года удалось завершить начатое строительство, но образовалась задолженность в сумме 50 тысяч рублей. По распоряжению Владимира Леонтьевича, недостающие ассигнования были выданы, и 1941 год вы встретили в торжественной обстановке в новом здании.

Во время войны В. Л. Комаров не забывал о науке на Дальнем Востоке. Уже в 1943 г. Владимир Леонтьевич добился открытия в г. Уссурийске на базе Горно-таежной станции Дальневосточной базы Академии Наук СССР, которая в 1946 г. была переведена во Владивосток, а затем была реорганизована в филиал.

В 1944 г. мне и Н. И. Жилиякову были присланы приглашительные билеты от Президиума Академии Наук СССР для участия на юбилейном торжестве в связи с 75-летием В. Л. Комарова. Тогда же состоялась и моя последняя встреча с Владимиром Леонтьевичем у него на квартире. Он был уже тяжело болен. Глаза его потускнели, говорил он с большим трудом. Однако, несмотря на тяжелое состояние, Владимир Леонтьевич вспомнил обо всех ведущих сотрудниках, интересовался их успехами, нашими общими делами и давал советы. По его предложению, было произведено разделение обязанностей по руководству Дальневосточной базой и Горно-таежной станцией. Руководство базой возлагалось на Н. И. Жилиякова, директором станции с 1 января 1945 г. был назначен я.

Владимир Леонтьевич не только был обаятельным, широко эрудированным, но и дальновидным ученым. Предвидя,

что Академия Наук не сможет охватить своим влиянием, должным изучением природных богатств обширнейшей территории СССР и этим самым оказать необходимую помощь развивающимся и вновь возникающим отраслям народного хозяйства, В. Л. Комаров со всей остротой и страстностью доказывал необходимость создания на окраинах нашего государства научных учреждений Академии Наук СССР. И эта мечта второй половины его жизни сбылась. Сейчас мы видим всю правоту предвидения В. Л. Комарова. Не только созданы хорошо работающие филиалы, но многие из них уже выросли в мощные научные комплексы и республиканские Академии Наук.

Владимир Леонтьевич дорог еще и потому, что это был человек большой гуманности, заботливости, доброты, а вместе с тем и принципиальности. Он не обладал высокомерием, чванством, несмотря на занимаемые высокие посты, был доступен, скромн, внимателен и прост с людьми любых рангов, всегда охотно оказывал помощь консультациями, а в затруднительных случаях жизни и средствами.

Таким мы знали Владимира Леонтьевича, таким и будем помнить его до конца нашей жизни.